

Барзул Е.Н.

**В.Е.Шутой о предыстории освободительной войны
украинского народа в середине XVII в.**

Событиями середины XVII в. на Украине интересовалось немало исследователей, уделяя основное внимание политической истории и не обращая должного внимания на события, которые послужили прологом освободительной войны 1648-1654 гг. Наиболее крупным из этих событий, «замечательным предвестником» движения Б. Хмельницкого видный отечественный историк В.Е. Шутой называл крестьянско-казацкое восстание 1637-1638 гг.

Оно не было случайным эпизодом в истории Украины, - считает учёный, - ибо логически вытекает из исторической обстановки того времени и тесно связано с предыдущей и последующей освободительной борьбой народных масс. Началом этой цепи, - утверждает В.Е. Шутой, - можно считать восстания последней четверти XVI в. (1587 г. - Лукьян Чернявский; 1591-1596 гг.- Криштоф Косинский, Григорий Лобода, Северин Наливайко). В «своей освободительной борьбе...украинский народ всегда опирался на помощь русского народа» (1), - замечает исследователь. Эта помощь предоставлялась в виде покровительства переселенцам из Украины, расширения с ней экономических и культурных связей.

Следующий виток освободительной борьбы, - считает В.Е. Шутой, - приходится на первую треть XVII в., когда Речь Посполитая предприняла новую попытку расколоть украинское общество, ограничив численность и права казаков. Ответом на это было крестьянско – казацкое восстание Тараса Федоровича («Трясило»), к которому присоединились и реестровые казаки. Сам коронный гетман С. Конецпольский объяснял польскому королю восстание желанием казаков перейти в подданство к русскому царю.

Жестокая трёхнедельная борьба под Переяславом заставила верхушку реестровой старшины пойти на сговор с поляками, вытребовав себе определённые привилегии, но решение польского сейма о необходимости военной оккупации Украины «ввиду того, казаки при подходящем случае легко могут впасть в привычное для них своеволие» вновь подлило масла в огонь людской ненависти, - пишет историк.

Результатом такой политики Речи Посполитой стало Нежинское восстание 1631 г., в ходе которого казаки не исключали возможности обращения за помощью к русскому царю, что ещё раз доказывает, - как представлялось В.Е. Шутому, - “безграничность стремления народных масс Украины задолго до освободительной войны 1648-1654 гг. к воссоединению с русским народом”.

Между тем социальный гнёт достиг на Украине небывалых размеров. Чтобы пресечь переселение украинцев в Запорожье, а оттуда в Россию,

решено было в июне 1635 г. построить на Днепре Кодацкий замок, который в августе того же года был захвачен войском Ивана Сулимы, возвращавшимся с Дона, где он зимовал после совместного с донскими казаками похода на Азов. Войско Сулимы состояло из “выписчиков”, т. е. нереестровых казаков, а “за ними вышли из Литовских городков и с Переясловля в погоню писменные казаки”, т. е. реестровые. Это свидетельствует, - по мнению В.Е. Шутого, - “решительно опровергает версию М. Грушевского о том, что Кодак был захвачен реестровыми казаками” (2).

В конце 1636 г. против польских властей восстал Чигиринский полк, что можно считать сигналом к широкому народному восстанию 1637-1638 гг., - пишет историк. Во главе движения стал Павел Михнович Бут, более известный по имени Павлюк, и полковник Карп Павлович Скидан, которые в пику польскому “кровавому” универсалу стали рассылать свои воззвания с призывами организовывать повстанческие отряды.

Эти призывы нашли широкий отклик в народной среде. Из числа простых крестьян и казаков выдвигались талантливые и храбрые руководители повстанческих отрядов. Так, “в имении подкормия черниговского Адама Киселя крестьяне восстали под руководством Мурки и Носка. В имении остерского старосты повстанцев возглавили крепостные Коростель и Пирог. В Ромнах восстали 10 тыс. крестьян. В Киеве действовал отряд Кизима, а в Лубенщине — его сына Кизименко. В Переяславе организовывал отряды полтавец Яков Острянин. В Гадяче, принадлежавшем самому Конецпольскому, к восстанию присоединились 2 тыс. человек. Восстание охватило также Нежинское воеводство, во главе которого стоял польный гетман Николай Потоцкий. Последний доносил в конце ноября королю с Украины, что «на Заднепровье все до единого показались». Общее количество восставших на Левобережье превышало 20 тыс. человек».

Никакие призывы польского короля и универсалы польного коронного гетмана, - замечает исследователь, - уже не могли успокоить народ. И сам Потоцкий “должен был признать, что простолюдины “более верили универсалам Скидана, которые летали повсюду один за другим по местечкам, городам и сёлам”, тогда как универсалы гетмана не имели большого влияния.

Только в ходе жестоких и кровопролитных боёв под Кумейками и в Бровице, а также обмана, ставшего обычным тактическим военным приёмом того времени, основные силы украинцев удалось обезвредить.

Но войско, состоявшее из нереестровых казаков, не сложило оружия. Скидан и Гуня на Левобережье собирали повстанцев, а Кизим, Кизименко и Дукренко подняли новое восстание на Лубенщине, подавление которого потребовало огромных усилий со стороны польских властей. Но та жестокость, с которой было подавлено и это восстание, - считает В.Е. Шутой, - имела обратный эффект, и восстание вспыхнуло с новой силой. Не помогла ни расквартировка на Украине кварцаного войска, ни знаменитая “Ординация войска запорожского реестрового, состоящего на слу-

жбе Речи Посполитой”, упразднившая должность гетмана.

В Запорожье собирались новые силы. На этот раз повстанцев возглавил популярный среди казаков полковник Яков (Стефан Криштоф) Острианин, который, - замечает учёный, - выполнил значительную подготовительную работу, в частности, обратился за помощью к донцам и разослал по Украине свои воззвания. Универсалы нашли живой отклик, и восстание охватило не только восточные области, но и Волинь, Галичину, Подолию. Героизм, природная смекалка позволили не всегда хорошо вооружённым повстанцам часто одолевать польское войско, которому были обещаны значительные льготы за подавление мятежа и даже жалование было выдано раньше срока.

И всё-же, - утверждает исследователь, - одна крупная ошибка, свойственная многим руководителям крестьянских восстаний, помешала Острианину действовать более успешно - это разделение сил. “Намереваясь организовать нападение на польский лагерь, ...Острианин вместо концентрированного удара главными своими силами рассредоточил их. Он выслал вперёд крупный отряд, по сторонам разослал сильные сторожевые отряды, а сам остался с небольшой частью войск”. Это позволило по частям разбить повстанческое войско при Слепороде и Лукомле. Острианин с частью конницы вплавь через Сулу отступил в Слободскую Украину.

После его ухода гетманом был избран Дмитрий Тимофеевич Гуня - талантливый полководец и военный инженер. Все попытки польского гетмана захватить лагерь повстанцев не увенчались успехом, и тогда решено было перейти к осаде, во время которой Гуня проявил себя как незаурядный дипломат, - считает В. Е. Шугой. Он затеял переговоры с Потоцким для того, чтобы оттянуть время, нужное ему для того, чтобы выйти из лагеря или пополнить запасы для того, чтобы выдержать дальнейшую осаду.

Неудавшийся генеральный штурм лагеря повстанцев над Старцем и помощь полковника Филоненко восставшим (по разным данным, 2000 или 5000 человек), недостаток продовольствия, большое количество раненых и больных в польском лагере заставило польского гетмана пойти на перемирие, - заключает историк. Те же причины, - считает В. Е. Шугой, - вынудили пойти на перемирие и Гуню.

Но его подписание не означало конца восстания, т. к. следом в ряде мест вспыхнули новые восстания уже после соглашения, вскоре, однако, подавленные. 4 декабря 1638 г. в урочище Маслов Став на Киевщине состоялось введение “Ординации”, еще больше ухудшившее положение народных масс (3).

В последующее десятилетие, несмотря на то, что поляки называли его “золотым покоем”, народная борьба на Украине не прекращалась. Но движение приняло локальный характер, антипольские выступления были разрозненными, - подчёркивает учёный, приводя ряд красноречивых фактов.

Крупные восстания вспыхивали не только в Восточной, но и в Запад-

ной Украине, даже на территории Белоруссии. В эти годы, - пишет В.Е. Шутой, - усиливается значение Запорожской Сечи, т. к. сюда «вопреки запретам и репрессиям польского правительства, стекались разорённые крестьяне» (4). Именно скопление здесь массы недовольных беглых людей, - считает историк, - сделало Сечь центром освободительной борьбы.

Широко распространенной формой протеста казаков и крестьян было и переселение в пределы Русского государства. Такое сближение народных масс, безусловно, сыграло положительную роль в освободительной войне 1648-1654 гг., когда украинский народ был поставлен перед исторической необходимостью отстаивать своё право на независимое существование, - заключает исследователь.

Поддержка московским правительством событий на Украине была обусловлена внешнеполитическим курсом России, возникновение которой историк относит к концу XV в. Именно тогда, - считает В.Е. Шутой, - московские великие князья начинают «воссоединение с Русским государством западнорусских, украинских и белорусских земель, захваченных Польшей и Литвой».

Особое внимание со стороны русского правительства уделялось, прежде всего, украинскому духовенству и монастырям, куда «посылались значительные суммы денег, меха, церковная утварь, богослужебные книги» (5).

Рассмотренные В.Е. Шутым крестьянско – казацкие восстания, особенно восстание 1637-1638 гг., занимают одно из важнейших мест в истории освободительной борьбы на Украине. Значение этих выступлений исследователь видел не только в их размахе и длительности, но и в том, что они составили важный этап в подготовке освободительной войны, когда была значительно ослаблена агрессивная Речь Посполитая.

1. Шутой В. Е. Канун освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. // Исторические записки. М., 1954. Т. 46. С. 243.

2. Там же. С. 245, 247, 250.

3. Там же. С. 252, 253, 268, 274.

4. Шутой В. Е. Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. С. 15

5. Там же. С. 14.

Воробьев С.В.

Коммунисты Екатеринбургской губернии в Гражданской войне: “свои” или “чужие”?

Большой интерес в плане реконструкции социального портрета коммунистов Среднего Урала начала 1920-х годов вызывает изучение их революционной деятельности. Революционный багаж позволяет судить об уровне социально-политической активности члена партии в прошлом и отношении к рухнувшей в ходе революционных событий 1917 г. политической системе, о его возможном опыте профессионального революцио-